

Раздел пятый

Язык и культура

К вопросу о соотношении и взаимодействии культуры и языка⁵²

Проблема диалога культур, пожалуй, одна из древнейших и “вечных” проблем, существующая с тех пор как начались межэтнические контакты. Между тем она обрела особую актуальность лет 20 назад в значительной степени под влиянием культурно-философских (и уже – лингво-философских) идей М.М. Бахтина и все это время не сходит со страниц гуманитарных исследований, в том числе и лингвистических. Актуальность этой проблемы особенно высока в сфере лингводидактики. Вопросы соотношения языка и культуры естественно встают в процессе обучения иностранного, вообще неродного языка. В настоящее время можно говорить как об уже сложившемся научном направлении – лингвокультурологии.

К культуре возможны исследовательские подходы, с одной стороны, 1) как к феномену мирового, глобального масштаба и 2) как к феномену, существование, развитие и индивидуальная неповторимость которого обусловлены социокультурными и культурно-историческими обстоятельствами и реалиями исторического бытия конкретного народа.

С другой стороны, исследование культуры предполагает интерпретацию социокультурной и культурно-исторической информации в аспектах лингвокультурологии, поскольку культурно значимую информацию несут, заключают в себе языковые единицы (и языковые категории).

В круге этой (последней) проблематики актуальны два направления научных разысканий:

1) от конкретной языковой единицы к его социокультурной и культурно-исторической интерпретации, национально ориентированной;

2) от достаточно репрезентативного и/или тематически ограниченного, но вполне самодостаточного фрагмента культуры в общем контексте национальной культуры, взятой в целом (например, сфера фольклора) или ограниченной историческими рамками, рамками того или иного раздела культуры (музыка, театр...), жанрово-тематическими рамками (юмор, пародия, литературные и исторические реминисценции...) к языковым единицам, выражающим соответствующее смысловое и экспрессивное содержание. Среди культурологов наметилась тенденция акцентировать интегральные или интегрирующие

аспекты в конкретных культурах, даже и при обсуждении вопросов, связанных с их диалогом (последнее, как очевидно, предполагает прежде всего поиски национально специфического в конкретных культурах и языках). В этом отношении обращает на себя внимание статья А.Е. Чучина-Русова (Чучин-Русов, 1996; ср. Библер, 1992; Шилленгер, 1993).

А.Е. Чучин-Русов исходит из того, что “любой диалог требует нахождения в едином, нераздельном (синкретическом) пространстве, или, по крайней мере, пребывания в одном времени, обеспечивающим обратную связь, ибо такого рода взаимодействия по природе своей необходимо одновременны (симультанны). Однако в общекультурном смысле ни пространство, ни время оказываются здесь не властны, и потому, как справедливо замечает В. Библер, “не только Шекспир невозможен без... Софокла... но и обязательно обратно: Софокл невозможен без Шекспира; Софокл иначе – но и более уникально понимается и иначе формируется в сопряжении с Шекспиром” (Библер, 1991, с. 282).

“О каком же едином времени и пространстве идет речь, – спрашивает автор упомянутой статьи и выдвигает категорию “единого поля мировой культуры” (Чучин-Русов, 1996, с. 913).

“Единое поле мировой культуры представляет собой... единую неизменную генотипическую систему-структуру, динамически сопряженную с динамической же, непрерывно изменяющейся фенотипической системой культурной жизни, т. е. является как бы совокупностью подвижных, немислимых в статическом состоянии, живущих вполне ограниченный (в пределах земного времени срок “волн”, “бликов”, “отражений” некоей акватории...” Чучин-Русов, 1996, с. 919), т. е. как можно понять из контекста статьи, – конкретных культур. Таким образом, в статье признается многообразие конкретных проявлений “единого поля мировой культуры”.

Из довольно отвлеченных рассуждений автора все же можно сделать практический вывод относительно того, что при сопоставлении культур (и выражения конкретных культур в соответствующих языках) важно и целесообразно обращать внимание на то общее, что как-либо объединяет сопоставляемые явления, и на то универсальное, что тоже может быть представлено в изучаемых культурах и языках. Важно подчеркнуть, что, при сопоставлении конкретных культур все же, как очевидно, существенно (и существенно) отмечать национально специфические формы, способы выражения универсального в конкретной культуре, в конкретном языке.

Несомненно, проблема универсального в культуре (как совокупности или системы духовных ценностей, созданных человечеством) чрезвычайно важна. Она по существу перерастает в проблему общечеловеческой, гуманистической значимости явлений, традиций культуры для всех и каждого из народов.

Между тем наиболее актуальным и в общетеоретическом, и в педагогическом, и лингвометодическом планах представляется изучение национально самобытного в каждой культуре.

Дело в том, что диалектичность такого сложного, многоаспектного явления, как культура в том и состоит, что общечеловеческие, гуманистические идеи получают национальное воплощение. Мировая культура как сокровищница духовных ценностей складывается из крупиц исторического опыта, творческих достижений каждого народа.

В каждом из мировых шедевров нашли мастерское воплощение глубоко национальные черты человеческих характеров, типические обстоятельства социально- и культурно-исторически определенной эпохи, пережитой конкретным народом, “пропущенные” через творческое сознание крупного художника, воспринявшего лучшие традиции своей национальной культуры. И Дон Кихот, и Тарас Бульба – каждый из них принадлежит своему народу, несет неповторимые национальные черты, точные приметы породившей их конкретной исторической эпохи. Именно в силу этого литературные образы великих шедевров и долговечны: высокая идея обрела конкретно-историческое воплощение.

Вот почему остается в силе тезис Н.С. Трубецкого, сформулированный им в начале XX века, в 1921 году: “Культура должна быть для каждого народа другая” (Трубецкой, 1921, с. 781), конечно, без крайностей евразийцев, считавших каждую культуру замкнутой системой “проницаемой лишь для географически близких культур”. Этот тезис для исследователей культур и соответствующих языков (и их соотношения) очевиден. Достаточно упомянуть, скажем, слова Л.В. Щербы: “Каждый язык отражает культуру того народа, который не нем говорит” (Щерба, 1974, с. 57). Ср. Винокур, 1959, с. 210–211, Виноградов, 1982, с. 513.

Язык и культура, конечно, отдельные самостоятельные явления. Вместе с тем в своем развитии и синхронном сосуществовании они настолько тесно соотносятся и взаимодействуют друг с другом, что закономерно, с одной стороны, ставится вопрос о языке как одной из основных форм реализации национальной культуры, как важнейшем

компоненте национальной культуры и фундаментальном факторе ее существования и развития, с другой стороны, говорится о языке как о продукте национальной культуры.

Так, Г.О. Винокур утверждал: “Отдельный язык есть индивидуальное и неповторимое историческое явление, принадлежащее к данной индивидуальной культурной системе... Даже всецело оставаясь на почве одного языка,... мы уже изучаем тем самым соответствующую культуру, именно первую, и в известном отношении, может быть, самую важную главу ее истории” (Винокур, 1959, с. 211).

П.М. Бицилли – выдающийся русский историк, филолог, славист, плодотворно работавший в зарубежье, труды которого сейчас возвращаются на родину, писал: “Язык в отношении своего строения, своей лексики есть одна из важнейших сторон культуры, может быть, самая важная... Язык есть, если можно так сказать, зеркало, отражающее культуру” (Бицилли, 1996, с. 158). Весьма симптоматичны рассуждения Д.С. Лихачева о соотношении национального языка и культуры и его свидетельство о восприятии родного языка русскими поэтами, по существу отражающем такое восприятие всяким думающим о судьбах русской культуры и русского языка: “Национальный язык – это не только средство общения, знаковая система для передачи сообщений. Национальный язык в потенции – как бы “заместитель” русской культуры... Ощущение языка (и мы бы сказали концептосферы русского языка) как своего рода концентрации духовного богатства, своего рода знамени духовного богатства культуры в целом было в высшей степени свойственным особенно чутким к русскому языку поэтам” (Лихачев, 1997, с. 284).

Как известно, язык рассматривают в качестве идеальной стороны выражения и как предмет культурной истории. Рассматривая язык в последнем аспекте, его изучают как индивидуальное и своеобразное явление человеческой истории. И с этой точки зрения язык есть условие и продукт культуры, культуры носителей конкретного языка. Л.В. Щерба говорит “о языке как системе выразительных средств данного коллектива” (Щерба, 1957, с. 131).

И действительно, идеальная сторона языка, его семантика (т. е. в том числе и “картина мира”, и система коннотаций, и метафорика, и система образно-художественных средств), а также сам состав лексики, фразеологии и более того – синтаксический строй речи (устной и особенно – письменной) – все это определяется актуальными культурно-историческими условиями, обстоятельствами и задачами соци-

ального бытия народа – носителя данного языка. Здесь может быть море иллюстраций сопоставительного материала контактирующих (сопоставляемых) языков и культур, доказывающих, раскрывающих национально неповторимое своеобразие каждого из языков каждой из культур, (см., напр., доклады, прочитанные на настоящей конференции, Д. Антопяковой “Обрядовые действия русской свадьбы как ситуация зарождения фразеологических единиц”, А.А. Живоглядова “Поэтические антропонимы английского языка в социокультурном аспекте”. М.М. Раевской “Лингвистическая интерпретация испанской культурной традиции (стилистика текста)”).

Что касается подходов к комментированию текстов в учебных целях для выявления или выяснения социокультурной, культурно-исторической информации, содержащейся в языковых единицах данного текста, то, как представляется лингвострановедческий подход, сыгравший в свое время несомненную положительную роль в процессе обучения неродному языку, явно недостаточен именно в силу “атомарности”, “точности” получаемой учащимся культурной информации, поскольку комментарий строится “от языковой единицы”. Учащийся получает разрозненную информацию, разумеется, ценную, культурно значимую, однако, изолированную, “вырванную” из некоторого общего контекста социокультурной среды или культурно-исторического контекста соответствующей эпохи, социокультурного среза конкретной исторической действительности и т. п.

Если подходить к вопросам соотношения и взаимодействия культуры и языка с позиции истории конкретного языка, преимущественно – истории литературного языка, и истории национальной культуры и соответственно к культурно-историческому комментированию текстов, взятых в учебных целях, то целесообразно говорить о проблеме соотношения и взаимодействия культуры и языка (а не языка и культуры). При такой постановке вопроса акцент делается не на “точечную” регистрацию известной культурной информации, извлекаемой из данной языковой единицы, а на отражение, выражение в языке, в известном ряде однородных, однотипных языковых единицах некоторого достаточно репрезентативного “куска” национальной культуры (скажем, народные обычаи, обряды, семантика и символика антропонимов и т. п.) – в связи и по поводу комментируемой языковой (и речевой) единицы разбираемого текста. Явления культуры, находящие свое то или иное выражение в языке, социокультурная информация, заключенная в единицах языка, взятых в контексте известного речевого

целого, более логично и естественно берутся исследователем, комментатором разбираемого текста в систематизированном виде, блоками, организованными темой, какой-либо эпохой, самим текстом. Очевидно (при всей сложности для преподавателя такой комментаторской работы) общепедагогическое и методическое значение описанного подхода к комментированию учебных текстов с точки зрения усиления мотивации обучения, повышения культурного уровня учащихся, усиления их сознательного подхода к изучаемому языку, в приобщении к “духу” языка, к особенностям менталитета народа – носителя изучаемого языка и т. д.

Литература

Чучин-Русов, 1996 – Чучин-Русов А.Е. Единое поле мировой культуры// “Вестник Российской Академии наук” – 1996–№10.

Библер, 1992 – Библер В.С. От наукоучения к логике культуры, М., 1992.

Шпенглер, 1993 – Шпенглер О., Закат Европы, М., 1993.

Трубецкой, 1921 – Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме//Исход к Востоку, София, 1921.

Щерба, 1974 – Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. Изд. 2. М., 1974.

Винокур, 1959 – Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Бицилли, 1996 – Бицилли П.М. Избранные труды по филологии, М., 1996.

Лихачев, 1997 – Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка//Русская словесность. Антология. М., 1997.

Щерба, 1957 – Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М., 1957.

Виноградов, 1982 – Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка. Изд. 3, М., 1982.

Русский язык как явление национальной культуры⁵³

Как известно, язык является основным средством общения людей, основным средством передачи информации, обмена мыслями, впечатлениями. Эту важнейшую роль языка в жизни общества языковеды называют коммуникативной функцией.

Наряду с основной, коммуникативной, функцией язык выполняет и

другие функции. Одна из фундаментальных функций языка – функция кумулятивная (от латинского *cumulatus* – собранный в кучу, увеличенный, усиленный), или накопительная.

Дело в том, что язык не только обозначает понятия, выражает мысли (это необходимо для выполнения им коммуникативной функции). Он также накапливает и закрепляет в своих единицах (главным образом в словах, словосочетаниях, фразеологических оборотах) те знания, опыт, которые приобретены людьми на протяжении многих и многих веков. Неслучайно говорят: язык – вместилище знаний. Так, например, в словах, объединяемых под названием “числительные” (один, два, три, ... сто, ... тысяча, ...; первый, второй, ... десятый, ... миллионный ... и т. д.), нашло отражение и закрепление одно из величайших достижений человеческого разума, выработавшего в глубокой древности понятия числа и счета. Или личные местоимения: я, ты, он, мы, вы, они. Ведь в этих “маленьких словечках” отражен опыт древнего нашего предка, который заметил, что он наряду с тем, что всегда вместе со своими родичами (мы) в составе первобытной семьи или рода, но и сам по себе, отдельный, отличающийся от других (я), и что есть другие, не похожие на его родичей, соплеменников (они), и что есть ты – другой, который рядом со мной. Так первые представления о коллективе и индивидууме получили отражение и закрепление в языке.

Вы, наверное, обратили внимание на то, что “язык слов” как принадлежность людей, как средство их общения существует во множестве вариантов – в языках племен, народов, наций. Как показали исследования французских лингвистов в середине 80-х годов, в современном мире насчитывается более пяти с половиной тысяч языков и диалектов.

Язык каждого народа теснейшим образом связан с историей народа – его носителя. Он связан, перефразируя Лермонтова, с “торжествами и бедами народными”, с повседневной жизнью людей, объединенных в данный народ, а также с духовной жизнью всего народа. Каждый язык не просто связан с жизнью народа. История народа находит отражение в языке, главным образом в словах и фразеологии. Более того, существеннейшая часть коллективного опыта народа, в том числе его духовной жизни, которая проявляется в интеллектуальной деятельности и во “внутреннем мире” человека (сфера психики), находит свое выражение посредством языка в устной речи и в письменных текстах.

Язык становится своеобразным зеркалом жизни народа, но не только “текущего момента”. В силу способности закреплять в своих

единицах, преимущественно в словарном составе и фразеологии, все, что было и есть в народной жизни (великое и малое, хорошее и плохое), язык сохраняет в народной памяти “следы” далеких эпох и недавнего времени, преобразовывая, трансформируя смысловое содержание самих слов и фразеологизмов под влиянием “превратностей” их употребления в повседневном речевом общении носителей языка и “внешних” обстоятельств (исторических событий, конкретной ситуации, контекста художественного произведения, газетной статьи и т. п.).

С этой точки зрения, русский язык – бесценное национальное достояние, воплотившее народный склад ума, самобытность “внутреннего мира” русского человека, неповторимость исторического пути русского народа.

Весьма поучительны и имеют большое познавательное значение лингвистические “раскопки”, в ходе которых, подобно археологическим раскопкам, историко-лингвистический анализ дает возможность приоткрыть “завесу времени” и понять первоначальный сокровенный смысл слов, те побуждения далеких предков, которые послужили основой, базой для наречения тем или иным словом какого-либо предмета материального мира, события, явления из сферы интимных отношений, умственной деятельности, из области политики, науки, культуры.

Все мы при встрече с кем-нибудь говорим: “Здравствуйте”. А задумывались ли вы над тем, что этот обычай приветствовать встречного (знакомого или незнакомого), идущий из глубины веков, свидетельствует об исконной доброжелательности русских людей. Здравствуй(-те) – ведь это пожелание здоровья: будь здоров(-ым). Здоровье в представлениях наших предков – основное в жизни человека, главное его богатство. Это отразилось и в пословицах: “Лучше быть бедным да здоровым, чем богатым да больным”, “Здоровье ни за какие деньги не купишь” и др. Если “забираться” в еще более глубокую древность, то пожелание здоровья у индоевропейских народов (и это отражено в их языках) связано с тем, что “по глубокому убеждению первобытных племен, слово человеческое обладало чародейною силою ... что слово доброго пожелания и приветствия (здравия, то есть пожеланий здоровья при встрече и на пиру при “заздравных” кубках) призывает на того, кому оно высказывается, счастье, довольство, крепость тела и успех в делах” (Афанасьев, 1988, с. 351). Мимходом брошенное “спасибо” означает пожелания всяческого благополучия тому, кто был добр и внимателен ко мне, помог мне советом, делом. Это слово образовалось из сочетания слов “спаси Бог”, обращенных к такому человеку.

Так в русском речевом этикете, относящемся к культуре поведения вообще и составляющем культуру речевого поведения при взаимном общении людей, в частности, сохранились отголоски культуры давних эпох, обычаи и нравственные нормы наших предков.

Но не только о далеких эпохах дают свидетельства слова. В середине 80-х годов давно существующее слово “перестройка” (от глагола перестроить–перестраивать – перестройка дома, промышленности, работы какого-либо учреждения и т. п.) стало обозначать общественные процессы, которые привели к разрушению административно-командной системы и к распаду СССР.

Видный русский филолог И.И. Срезневский (1812–1880), много лет посвятивший изучению древнерусского языка, его словарного состава, неоднократно высказывал мысль о том, что “каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того и не было слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа” (Срезневский, 1959).

Аналогичную мысль в поэтической форме высказал С.Я. Маршак:

“На всех словах – события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю. Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать, век заживать чужой... –
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть...”

Предшествующие рассуждения имеют целью сделать очевидным тезис о том, что в языке находит отражение культура народа – носителя данного языка, язык является средством выражения национальной культуры.

Принципиально важно также подчеркнуть, что, будучи средством выражения национальной культуры, язык сам становится в ходе исторического развития народа, по мере развития его культуры, феноменом, явлением данной культуры, все более и более влиятельным и значимым фактором совершенствования и углубления культуры.

Культура русского народа нашла свое адекватное и полноценное

отражение в русском языке. В его словаре и фразеологии закреплены названия многочисленных разноплановых реалий (предметов, вещей и проч.), а также обычаи, обряды, верования, поэтические представления о природе, социальные и нравственные идеалы, отношения к действительности, сложившиеся среди русских людей. Иными словами – в русском языке отражены и предметы материальной культуры, и традиционная, народная, культура, и так называемая элитарная культура (в той ее части, которая воплощена в текстах). О замечательном свойстве языка передавать в своих единицах былое, о его способности создавать и сохранять преемственность в духовной жизни поколений писал великий русский педагог К.Д. Ушинский (1824–1871): “В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных переживаний, плоды исторических событий, верования, воззрения, плоды прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове” (Ушинский, 1945, с. 206).

В названиях профессий находим “следы” старинных представлений о тех или иных занятиях, сведения об их происхождении. Так, слово “зодчий” (в современном языке – “торжественный” синоним слова “архитектор”) в древнерусском языке обозначало строителя, каменщика, произведено оно от “здь” – “глина”. Слово “гончар” – от древнерусского “гърнць” – “горшок” – уменьшительное существительное от “гърнь” – “котел, плавильная печь”. Это последнее слово – от глагола гореть. Гончарное производство, как известно, связано с обжигом глиняных изделий. Слово “художник” заимствовано из старославянского языка (художьнии + икъ: “художьнии” – от “худог” – искусный, умелый). Вполне закономерно, видимо, что слово “искусство” и в древности входило в один круг понятий с существительным “художник”. Слово “искусство” – из старославянского языка, буквально “испытание”: “искустьво” – от “искусь” – “испытание, проба, попытка” (калька с древнегреческого “peira”). От “искуса” – и “искусный”, то есть опытный, умелый, подтвердивший свое мастерство неоднократным испытанием, исполнением определенных изделий.

Старинный обычай, сохранившийся и поныне во многих семьях, который состоит в том, что близкие люди целуют на прощание человека, уходящего надолго и далеко по делам или на войну, и при встрече с ним после разлуки, связан с пожеланием вернуться домой здоровым, целым (соответственно при встрече поцелуй выражает радость по поводу благополучного возвращения отсутствовавшего).

Показательно, что в старославянском языке целовати имело значение “приветствовать”.

Небезынтересно проследить, как в языке нашли отражение оценки людей, в частности деятелей культуры. Имеются в виду оценочные прилагательные знаменитый, даровитый. В древнерусском языке суффикс -ит- (-овит-), присоединяемый к основе существительного, выражал большое количество наличие или в признаке того, что обозначено в производящей основе: “знаменитый” – имеющий знамя, знак, печать; “даровитый” – с дарами (“дар” – сначала “подарок”, впоследствии – “дарование”, “талант”). Между прочим “грановитый” в названии памятника древнерусской архитектуры (Грановитая палата) – из того же ряда слов. Оно имело значение “что-либо с гранями”, “неровное”. К началу XIX в. это слово, уже устаревшее, сохранилось только в составе указанного исторического названия. Использование прилагательного грановитый в данном названии связано с тем, что такие здания (в Московском и Новгородском Кремле) отделялись крупнограненым камнем. “Книга” – происхождение этого слова до конца не ясно. Однако многие лингвисты возводят его к индоевропейскому корню *gn-.” Ср. древнегреческое “gnoseo” – познаю, латинское “cognoseo” – знаю, готское “kunnan” – знать. Таким образом, книга связана с идеей познания, знания. Это то, что содержит знания или источник знания.

Итак, в словарном составе языка закреплены реалии материальной культуры и понятия, явления культуры духовной, отражающей верования людей, их мировоззрение, обычаи, поэтическое видение мира и т. п.

Язык, как уже отмечалось, важнейшее средство выражения той части культуры, которая относится к интеллектуальной деятельности, и существенного сегмента эмоциональной стороны духовной жизни человека.

Нужно сказать, что духовная жизнь человека, охватывающая интеллектуальную деятельность и сферу психики, эмоций, проявляется во всей совокупности областей познания – религии, техники, искусства, культуры, сложившейся в рамках человеческой цивилизации. Точнее было бы сказать, что во всех достижениях цивилизации находит свое воплощение человеческий гений, духовный потенциал человека.

В таком контексте язык представляется адекватным и полноценным средством выражения подавляющей части всего этого практически безграничного потенциала человеческих возможностей.

Благодаря языку становятся общим достоянием научные идеи и

результаты научно-технического прогресса, философские версии познания мира и самопознания человека, всевозможные религиозные представления, божественное откровение (“Слово Божие”), политика, право, произведения поэтического искусства.

Как должно быть понятно из этого перечисления, языком охватываются в том числе и те сферы человеческого интеллекта и души, которые составляют культуру и тесно с ней соприкасаются или взаимодействуют, как, например, наука, религия, философия. Это во-первых.

Во-вторых, есть и такие сферы духовной жизни, включаемые в понятие “культура”, которые очень близки “словесным” видам культуры, то есть тем ее частям, которые выражаются посредством языка, слова.

Речь идет прежде всего о лирической поэзии (в ее “элитарном” и фольклорном вариантах) и музыке. Подтверждением сказанного служат авторитетные свидетельства великого русского композитора П.И. Чайковского (1840–1893) и выдающегося русского философа (и не менее замечательного лирического поэта!) В.С. Соловьева (1853–1900). Чайковский в одном из писем к Н.Ф. фон Мекк говорил: “Пушкин силою гениального таланта очень часто врывается из тесных сфер стихотворчества в бесконечную область музыки. Это не пустая фраза. Независимо от сущности того, что он излагает в форме стиха, в самом стихе, в его звуковой последовательности есть что-то проникающее в самую глубь души. Это что-то и есть музыка” (Чайковский, 1934, с. 26). Соловьев в статье “О лирической поэзии (по поводу последних стихотворений Фета и Полонского)” подчеркивал: “Лирическая поэзия после музыки представляет самое прямое откровение человеческой души” (Соловьев, 1911, с. 626).

Вы, наверное, обратили внимание, что язык воплощается в диалогах и в текстах, то есть в каких-то более или менее законченных (маленьких и больших, нередко грандиозных по своему объему) словесных произведениях (как правило, письменных, но возможны и устные формы, например, ораторская речь).

Когда мы говорим о том, что известная часть культуры (как выражение духовной жизни народа) находит свою реализацию через язык, имеются в виду тексты, главным образом – письменные.

Итак, культура находит свое выражение: в текстах устного народно-поэтического творчества (в былинах, сказках, народных песнях и т. п.); в письменности, то есть в письменных текстах: в художественных произведениях, в публицистических статьях, очерках, памфлетах, в

научных статьях и монографиях, в учебниках; в живой речи наших соотечественников, звучащей в эфире, в драматическом театре, на научных конференциях, в университетской аудитории и в школьном классе, а последние десятилетия – в магнитофонных записях деятелей культуры.

В процессе развития национальной культуры, под влиянием верований, философских воззрений, научных представлений, политических идей, нравственных и эстетических идеалов, их эволюции происходит развитие и совершенствование языка данного народа, форм и способов выражения мысли, чувств, передачи информации средствами языка. В результате такого взаимодействия языка и культуры сам язык становится явлением национальной культуры, фактором ее углубления и развития.

Уже в древнейшие эпохи цивилизации началось подразделение языка на обыденный, повседневный и язык для особых ситуаций, в том числе и для обращения к божеству. Известны сборники священных гимнов “Веды” Древней Индии III тыс. до нашей эры. А в Малой Азии при раскопках древнего дворца нашли инвентарий дворцового имущества, написанный клинописью, датируемый II тыс. до нашей эры.

В те далекие эпохи люди придавали языку чудодейственную силу, связывали с ним постижение высшего знания, божественной мудрости, которая через язык, в священных текстах, раскрывает тайны мировой гармонии и место человека в ней.

Во многом именно таким восприятием языка нашими предками можно объяснить высокий духовный авторитет волхвов, кудесников – “любимцев богов” и жрецов. И неслучайно пушкинский кудесник (из “Песни о вещем Олеге”) говорит: “Волхвы не боятся могучих владык,/ ... Правдив и свободен их вещей язык/ И с волей небесной он дружен.”

О дифференциации языка в древности убедительно, на базе изученного им фактического материала, писал известный историк и фольклорист А.Н. Афанасьев (1826–1871 гг.): “В самую раннюю эпоху слово как выражение духовных стремлений человека, как хранилище его наблюдений и познаний о силах обоготворенной природы и как средство для сообщения с богами резко отделилось от ежедневного обиходного разговора эпическим тоном и стихотворным размером” (Афанасьев, 1988).

От поколения к поколению в процессе “обслуживания” языком повседневного речевого общения и других социальных потребностей

людей, в том числе и “нужд” культуры, вырабатываются, шлифуются оптимальные способы выражения мысли, идей, художественных образов, имеющих общенациональное значение. Из сокровищницы национального языка отбираются наиболее яркие, точные, экспрессивно насыщенные речевые средства, способные передать тончайшие нюансы душевных движений, тона и полутона картин природы, малейшие цветовые оттенки. Так складывается литературный язык как самая репрезентативная (представительная) форма данного национального языка, практически не знающая ограничений в передаче содержания национальной культуры, ее самобытности и исторического своеобразия.

Именно таким является русский литературный язык. Вот какую характеристику дал ему выдающийся русский публицист, мыслитель А.И. Герцен (1812–1870): “Главный характер нашего языка, – писал он в 1860 году, – состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем, – отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, “жизни мышья беготня”, крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть” (Герцен, 1959, с. 19–20).

Русский язык как явление национальной русской культуры включает в себе могучий потенциал интеллектуальной деятельности русского народа, с исчерпывающей полнотой и с удивительной выразительностью передает неповторимость душевных переживаний русского человека, его открытость миру, его отзывчивость на всякие беды и страдания. В совокупности текстов, составляющих русский язык, – уникальный опыт и судьба многомиллионного народа на протяжении более тысячи лет. Благодаря русскому языку сохраняется преемственность поколений. Язык сохранил в народной памяти такие явления, события, обычаи, обряды, традиции, песни, были, которые в своей совокупности служат объединяющим началом для всех поколений, потому что эти элементы, компоненты национальной культуры близки и понятны каждому русскому. Глубоко прав К.Д. Ушинский, сказавший: “Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живые и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое”. (Ушинский, 1945, с. 206). В силу всего сказанного язык можно считать неотъемлемым компонентом, а также условием и фактором существования и развития любой культуры, в том числе русской.

Резюме

В разделе выясняются некоторые функции языка (основная – ком-

муникативная и кумулятивная), показана его связь с историей народа, а главное, способность сохранять в своей памяти следы далеких эпох и недавнего времени, воплотить народный склад ума и неповторимый исторический путь страны. В связи с этим обосновывается тезис о том, что в языке находит отражение культура народа – носителя данного языка, а сам язык становится средством выражения национальной культуры и одновременно явлением этой культуры, весьма влиятельным и значимым фактором совершенствования и развития как культуры, так и цивилизации в целом.

Литература

Афанасьев, 1988 – Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М., 1988.

Срезневский, 1959 – Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.

Ушинский, 1945 – Ушинский К.Д. Избр. педагогические сочинения. М., 1945.

Чайковский, 1934 – Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон Мекк. М., 1934.

Соловьев, 1911 – Соловьев В.С. Собр. сочинений, т. VI, Спб., 1911.

Герцен, 1959 – Герцен А.И. Полн. собр. сочинений, т. 9. М., 1959.

Проблема соотношения языка и культуры в русской филологической традиции⁵⁴

В настоящее время в России большую актуальность приобрели вопросы соотношения языка и культуры. Объективно это связано с проблемами возрождения национальной культуры, ставшими особенно актуальными в постсоветской России. “В эпоху глубокого обновления жизни, – писал В.В. Виноградов, – общественная роль филологии как науки о языке, о литературе, о словесной культуре, а также о методологии и лаборатории истолкования литературных памятников и современных проявлений поэтического творчества становится особенно важной и влиятельной” (Виноградов, 1967, с. 11–12). Исследование же национальной культуры, выявляющейся в значительной своей части в текстах, в конкретном языке, составляет, несомненно, одну из фундаментальных основ и задач филологии.

Вместе с тем актуальность этих вопросов обусловлена и активно-

стью разработки проблемы, получившей название “диалог культур”. Данной проблеме посвящены многие гуманитарные исследования, в том числе историко-лингвистические, последних двадцати лет, главным образом под влиянием идей М.М. Бахтина.

Особенно широко эта проблема и вопросы соотношения языка и культуры обсуждаются в лингводидактике как при рассмотрении конкретных методических задач обучения неродному языку, так и при разработке теоретических проблем преподавания иностранных языков.

На наших глазах происходит становление нового научного направления (главным образом в рамках лингводидактики) – лингвокультурологии, для которой проблема “язык и культура” является основополагающей, одной из центральных.

Из сказанного несомненной представляется важность изучения русской филологической традиции в исследовании соотношения языка и культуры.

Вопросы соотношения языка и культуры, преимущественно в аспектах отражения в языке духовной культуры народа-носителя данного языка, обсуждаются в Западной Европе со второй половины XVIII в. в основном в трудах И. Гердера (см. его “Исследование о происхождении языка”); в России идеи взаимосвязанности языка и выражаемой на нем культуры обсуждались В.К. Тредиаковским и М.В. Ломоносовым.

Между тем научно обоснованное, широкое изучение проблематики соотношения и взаимодействия языка и культуры становится возможным в контексте лингвистической концепции В. фон Гумбольдта и теории Я. Гримма. В языке Я. Гримм (см. его “Deutsche grammatik”, 1819–1837) видел проявление национального духа в его творческом и историческом развитии. Как подчеркивал Н.К. Гудзий, “теория братьев Гриммов для своего времени была выдающимся этапом в развитии филологической науки, и влияние ее вышло за пределы Германии, сказавшись в трудах крупнейших ученых-филологов и других европейских стран” (Гудзий, 1958, с. 12–13) (о значении школы братьев Гримм в истории славянской филологии см. Дж. Кокьяр – см. Кокьяр, 1960).

Идеи мифологической школы Гриммов были восприняты и в России. Основателем русской мифологической школы стал Ф.И. Буслаев (1818–1897) – крупнейший ученый, чьи труды по исследованию проблем языкознания, литературы, народной поэзии, этнографии, древнерусского и византийского искусства, археологии составили целый этап в развитии каждой из названных научных областей, в развитии

русской и мировой филологии. Современники отмечали необычайную широту научных интересов Буслаева. “Буслаев, – писал А.И. Соболевский в 1891 г., – отличный знаток произведений народной поэзии не только русского народа и других славянских племен, но и разных народов Востока и Запада, древних и новых, насколько они доступны по печатным изданиям и переводам; он знает и Махабхарату, и песнь о Роланде, ... и Калевалу, и современные сказки немцев, литовцев, румын, арабов...” (Соболевский, 1891, с. 424). Опираясь на важнейшие положения лингвистической теории В. фон Гумбольдта и Гриммов об отражении в языке духовной жизни народа-носителя данного языка в ее историческом развитии, Буслаев в отличие от Я. Гримма главное внимание уделяет изучению народной поэзии. Он рассматривает историю русского языка в органической взаимосвязанности с историей фольклора и вообще русской культуры. Как отмечал В. В. Виноградов, “Буслаев стремился связать историю русского литературного языка с историей русской культуры, с историей русской литературы и с историей народной поэзии” (Виноградов, 1978, с. 305). “История языка, – писал Буслаев, – собирает для себя, факты как древних рукописях, так и в современном языке, по всем его областным наречиям, открывает собственное значение слов, которые с течением времени утратили его, и таким образом по языку воссоздает первоначальные предания и обычаи народа”. Он убежден, что “в языке выражается вся жизнь народа, ... язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницей прошедшей жизни нашей” (Буслаев, 1850, с. 49).

Для Буслаева характерна при обосновании историко-лингвистических наблюдений и обобщений широкая культурно-историческая ориентация. Такая ориентация была сознательной установкой ученого, и это было, собственно говоря, новым словом в русской науке. “Разумную цель лингвист имеет тогда, – писал Буслаев, –, когда, не ограничиваясь исследованием букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка изучать духовную жизнь самого народа” (Буслаев, 1855, с. 37).

Уже в книге “О преподавании отечественного языка” (1844) он стремится определить характерные особенности древнейшего мировоззрения людей, отразившиеся в их языке, и в ряде очерков из истории русского литературного языка показывает, как в языке выражается “вся жизнь народа”. В этом отношении замечателен историко-лингвистический и историко-культурный анализ таких архаизмов, как буда,

вар, ведро, говядо, доить, прелесть, целовать и других слов, обозначающих предметы и понятия быта повседневного, общественного, юридического, военного, религиозного... Вот типичное утверждение Буслаева: “Вообще надобно заметить, что филология нисколько не выступает из пределов своих, когда, при объяснении древних памятников, берет в соображение быт юридический; ибо он, как одна из главнейших стихий жизни народной, входит не только в произведения красноречия, но и в поэзию, и кладет свой отпечаток на язык особенными выражениями” (Буслаев, 1941, с. 201). Как писал К.К. Войнаховский, “обзорение архаизмов дает повод автору подробно изобразить языческий взгляд на природу, языческую символику, мифологию, поэзию и игры, а также христианский взгляд на природу, христианскую символику, красноречие, взгляды на зодчество, ваение и живопись и описать старинное предложение, пословицу, период и речь” (Войнаховский, 1898, с. 103).

В том же культурно-историческом аспекте написана и магистерская диссертация Буслаева “О влиянии христьянства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию” (1848). И в этой работе ученый представил опыт истории языка, понимаемой им в связи с движением жизни и культуры народа.

В древнейший период истории языка, писал Буслаев, “названием запечатлевалось верование или событие, и из названия вновь возникали сказание и миф... Язык в древнейшем периоде своего образования, – продолжает автор, – уже и потому является неразлучным спутником народной эпической поэзии, что вместе с ней является сокровищницей верований и преданий, им запечатленных в памяти народа” (Буслаев, 1848, с. 8–9, 10). В оценке этого труда современники Буслаева подчеркивали повышенное внимание ученого к культурно-историческим аспектам лингвистического исследования. Так, А.Н. Пыпин писал: “Диссертация Буслаева была в нашей литературе совершенно новостью: это был первый опыт применить сравнительное и историческое языковедение к древностям славянского языка, откуда извлекалась бытовая картина такой далекой поры, на исследование которой подобным путем еще не покушалась русская наука” (Пыпин, 1891, с. 92). Такого же мнения был и А.А. Шахматов: “Этот экскурс в область сравнительного языковедения в особенности важен как первая у нас и у славян попытка извлечь из лингвистического материала те ценные данные, которые они содержат для характеристики отошедших в прошлое культурно исторических эпох” (Шахматов, 1898, с. 13).

Необходимо отметить, что и в стилистическом анализе языковых явлений, содержащемся в книге “О преподавании отечественного языка”, преобладает культурно-исторический подход.

Трудам Буслаева, построенным на историческо-романтических концепциях с их двуступенчатой стадильностью в развитии языка, при всей научной и общественно-педагогической значимости исследовательских разысканий ученого, была присуща известная неполнота и неопределенность в культурно-историческом освещении языковых явлений. Это отмечал А.А. Шахматов. Он говорил, что если бы Буслаев четко определил ближайшее отношение русского языка к языкам славянским, он не лишил бы “свой труд тех главных исторических основ, на которые он должен был опираться” (Там же, с. 14).

Единомышленником Буслаева в вопросах взаимодействия и соотношения языка и культуры, о значении языка для национальной культуры был И.И. Срезневский (1812–1880). Как и Буслаев, он считал историю языка важнейшей, чуть ли не самой главной частью истории и духовной культуры народа-носителя данного языка.

Последователи Буслаева, образовавшие школу сравнительной мифологии (внутри мифологической школы), на первое место поставили изучение сущности мифа и его исторических судеб.

Среди так называемых младших мифологов следует назвать прежде всего А.Н. Афанасьева (1826–1871) как наиболее талантливого представителя этой школы. Он принадлежал, по словам А.Н. Пыпина, “к числу наиболее симпатичных имен в истории русской науки, посвященной исследованию русской народности и старины” (Пыпин, 1891, с. 110). Афанасьев – крупный теоретик фольклора, издатель памятников устного народного творчества. Европейскую известность принесло ему издание сборника “Народные русские сказки” (1855–1863; восемь выпусков), позже вышел один выпуск “Русские заветные сказки”. Он – автор фундаментального исследования “Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов” (т. I–III, М., 1865–1866).

Не затрагивая специальные вопросы процесса мифотворчества (что стало предметом исследования Афанасьева), обратим внимание на то обстоятельство, что автор возникновения мифов связывает с историческим развитием языка. “Богатый и, можно сказать, единственный источник разнообразных мифических представлений, – пишет Афанасьев, – есть живое слово человеческое, с его метафорическими

и созвучными выражениями. Чтобы показать, как необходимо и естественно создаются мифы (басни), надо обратиться к истории языка” (Афанасьев, 1865, с. 5). Каждый предмет, по мнению Афанасьева, мог вызывать многие впечатления и получал свое полное определение лишь во множестве синонимических выражений.

Любой же из этих синонимов мог обозначать какие-то качества других предметов и таким образом связывать их между собой. Именно здесь, считает Афанасьев, причина возникновения метафоры, метафорических выражений, которые впоследствии послужили поводом к созданию целого ряда мифических сказаний.

Афанасьев придавал первостепенное значение сравнительной мифологии, считая, что она открывает исследователю путь в доисторический мир, дает надежное средство познать духовную культуру древних народов посредством анализа лингвистического материала. “Свидетельства ее [сравнительной филологии] тем драгоценнее, – утверждает ученый, – что старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу” (Там же, с. 17). “Новый метод мифотолкования, – настаивает он, – потому именно и заслуживает доверия, что приступает к делу без наперед составленных выводов и всякое положение основывает на прямых свидетельствах языка: правильно понятые свидетельства эти стоят крепко, как правдивый и непроверяемый памятник старины” (Там же, с. 12).

Для Афанасьева и других русских мифологов мифическое содержание, которое раскрывалось в образах народной жизни, “говорило . . . о богатом историческом опыте народа и длительном пути его развития” (Франчук, 1986, с. 26).

Особое место в русской филологической школе и в русской филологической науке в целом принадлежит великому русскому и украинскому ученому А.А. Потебне (1835–1891). Он поставил вопрос об исследовании конкретного языка (именно русского) в контексте общей эволюции языка и мышления в их взаимодействии. Уже в ранних работах (“Мысль и язык”, “О некоторых символах в славянской народной поэзии” и др.) Потебня исследует мышление, язык и народную словесность, в которой находит выражение народная мифология, в их единстве.

В изучении мифологических представлений, образов и символов, заключенных в народной поэзии, исследователи идут “от культуры к языку” (если так можно сказать), надеясь в фактах языка найти и объ-

яснения смысла конкретного символа, образа, и раскрытие значения каких-либо знаковых деталей мифа, выраженных словесно, и доказательства самого наличия, “присутствия” известного мифа в духовной культуре древнейших эпох. Так, в частности, поступает и Потебня, изучая символы и образы русской и украинской народной поэзии.

В магистерской диссертации “О некоторых символах в славянской народной поэзии” Потебня пытается определить содержание поэтических символов, основываясь на языковых фактах, которые “представляются ему точнее и доказательнее любых умозрительных домыслов” (Там же, с. 33).

Автор анализирует достаточно большой корпус слов, которые выступают в народных песнях как символы. Это такие слова (и соответствующие понятия), как огонь, свет, ночь, вода, дым, разум, дорога, мороз, ветер, туча, дерево, листья, ключ, замок, рой (роиться), вить, обливать, обсыпать...

Обращает на себя внимание количество символов (и соответственно слов), связанных с огнем. Весьма примечательно заключение Потебни важности показаний языка для выяснения существования в далекую языческую эпоху божеств огня и света: “Если бы мы не знали, что божества огня и света занимали важное место в языческих верованиях славян, то могли бы убедиться в этом по большому количеству слов, имеющих в своей основе представление огня и света” (Потебня, 1914, с. 7).

Показателен с точки зрения опоры на данные языка в исследовании народных верований о зависимости нравственных качеств человека “от преобладания одной из стихий, из коих он создан” (Потебня, 1922, с. 168), анализ Потебней приметы “то камени кость: тот человек скуп, немилостив”: “Указанная здесь связь представлений камня-кости вполне народна, потому что подтверждается языком, представляющим довольно много примеров перехода значения от камня и кости к скупости”. Ср.: человек-кремень, камень; закирпичить-поскупить; маклак-маклячить; скала-скряга и т.п. “Во всех приведенных словах между значением камня, кости или корня и скупости посредствует значение “твердости” (Там же, с. 168–169) ср.: сербск. тверд, твердец, скуп, скупец.

Что касается истории русского языка, то Потебня рассматривает ее как историю словесного творчества (в том числе поэтического и научного) русского народа. Он первым из русских филологов придал исторической семантике русского языка в историко-лингвистических

исследованиях главенствующее значение. При этом историко-семантический анализ языковых явлений у Потебни опирается на исключительно широкую культурно-историческую базу, обычно сопровождается глубокими философско-лингвистическими обоснованиями. Как отмечал В.В. Виноградов, до А.А. Потебни никто из русских лингвистов и филологов не ставил “изучение исторической семантики на такую широкую культурно-историческую основу” (Виноградов, 1978, с. 94).

Углубленное историко-семантическое исследование в контексте культурно-исторического и лингвофилософского осмысления изучаемых явлений языка приводит Потебню и к новой постановке задач истории русского литературного языка. “В его понимании история русского литературного языка тесно сплелась с историей русской мысли, поэзии, русского научного познания. Она даже выделяется Потебней как основа истории русской литературы” (Там же, с. 310).

Потебня уже в ранний период своей научной деятельности выдвигает весьма продуктивную идею о необходимости исследования не отдельного слова, а семантических рядов, системы или цепи значений слов, относящихся к одной или смежным лексико-семантическим сферам, связывая анализ семантических слов, объясняемых таким образом, с соответствующими социокультурными реалиями, с общественным, семейным бытом народа, с его воззрениями, обычаями и т.д.

Изучение изменений “рядов представлений” в языке (т. е. лексических значений слов) в связи с развитием культуры и мышления должно стать, по мнению Потебни, одной из главных целей историко-лексикологического исследования.

В очерках “К истории звуков русского языка” (1876–1883) Потебня посвящает один этюд семантической истории русских слов, обозначающих населенные места и в то же время сельскохозяйственные участки земли: село, селище, деревня.

Исследуя значения слов, организованных в известную систему или ряд, Потебня строит свой анализ с учетом культурно-исторических обстоятельств. Примечателен подзаголовок этого этюда: “К истории быта”. Автор связывает историю изменений значений рассматриваемых слов с историей земледелия и крестьянского землевладения, с историей сельской общины на русском Севере.

Идея Потебни о необходимости изучения семантической истории слова в контексте с другими однопорядковыми, однотипными лексико-семантическими единицами, образующими семантические ряды или системы, обычно совпадающие с предметно-логическими или

тематическими рядами соответствующих социокультурных реалий, понятий, имела громадное организующее значение не только для установления известных закономерностей в семантической эволюции лексических единиц, но и в упорядочении и углублении исследования социокультурных соответствий “слова и вещи”, в усилении обоснованности культурно-исторического осмысления установленной исследователем семантической эволюции изучаемого слова.

Реализация данной идеи исключительно важна при лингвокультурологическом анализе лексики и фразеологии известного текста, поскольку такой анализ (а в практике преподавания неродного языка – лингвокультурологический комментарий) предполагает исследование достаточно репрезентативного фрагмента национальной культуры, в который включена реалья, обозначаемая рассматриваемым, комментируемым словом, фразеологизмом.

Обсуждаемая идея Потебни и соответствующая исследовательская практика ученого получили поддержку и развитие в дальнейших историко-лексикологических исследованиях. Так, младший современник Потебни М.М. Покровский (1869–1942) – виднейший исследователь в области классической филологии и сравнительно-исторического языкознания – определенно утверждал, что необходимо изучать семантическую эволюцию не отдельного слова, а систем или рядов семантически связанных слов: “История значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимичными с ним, и главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений” (Покровский, 1959, с. 75). “Сфера представлений”, по мнению Покровского, – это “известные стороны нашего быта или группы однородных явлений внешнего или духовного мира” (Там же, с. 29). Так, например, он пишет: “Для удачного разьяснения истории значения слов, связанных с ремеслами, необходимо выйти за пределы науки о языке: многое выяснится только при знакомстве с устройством, например, ткацкого станка, с назначением его деталей, – равным образом, при знакомстве с историей данных ремесел у отдельных народов” (Там же, с. 140). Покровский придает большое значение и культурно-историческим причинам (влияющим на семантическую эволюцию соответствующих слов), которые “изменяют содержание представлений, связанных с отдельным предметом” (Покровский, 1897, с. 86).

Важнейший этап в разработке проблемы “язык и культура” составляют труды А.А. Шахматова (1864–1920) и его школы. Именно в трудах Шахматова исследование и истолкование этой проблемы об-

ретаёт подлинный историзм. Шахматов – великий русский филолог, ученый-энциклопедист – в истории русской науки занимает одно из почетных мест в развитии гуманитарного знания, прежде всего в развитии филологии и истории. Главная сфера научных занятий Шахматова – историческое исследование русского языка в неразрывной связи и взаимообусловленности с русской историей, с историей русской культуры, просвещения, с историей литературы.

Собственно говоря, к истории русского языка с ее древнейших эпох Шахматов пришел через увлекшую его еще в молодости идею самопознания (понимаемую в широком нравственно-общественном и культурно-просветительском плане), поскольку древнейшие исторические судьбы “восточнославянского племени” (термин Шахматова), его духовную культуру во многом можно постичь лишь через язык как сокровищницу социально- и культурно-исторической информации.

Для Шахматова язык – продукт исторического развития народа; история русского литературного языка, по Шахматову, самым тесным образом связана, с историей Руси, России, с историей русской государственности, историей просвещения, русской литературы и народной поэзии, вообще с историей духовной культуры, поэтому проблема соотношения языка и культуры в трудах Шахматова представлена в широких контекстах изучения исторических периодов или социально-речевых пластов в общественной речевой коммуникации той или иной эпохи русской истории. Как отмечал В.В. Виноградов, А.А. Шахматов “вскрыл культурно-исторические и социальные основы эволюции “общерусского” письменного и разговорного языка (Виноградов, 1980, с. 59). Он впервые в русской историографии увязывает с проблематикой истории русского литературного языка задачи историко-лингвистического изучения города, особенно русского средневекового города, акцентируя внимание на культурно-историческом аспекте. Шахматов считал, что построение истории русского литературного языка невозможно вне связи, в частности, с историей полудиалектов и общих языков (койне), складывающихся в городах – культурно-политических и социально-экономических центрах. “Культура проникает во всякую страну, – читаем у Шахматова, – через ее городские и торговые центры. Купцы, горожане, правящие классы являются ее распространителями. Усвоение тех или иных культурных явлений этими слоями населения обеспечивает дальнейшее распространение их в стране” (Шахматов, 1916, с. 79). В другой работе он писал: “Городское население ... заметно отделялось от сельского: одним из существенных отличий была его цивилизованность, культурность; а

эта культурность тесно сопрягалась с влиянием Киева, а через него с более далеким влиянием Болгарии. Можно думать, что горожане, купцы, бояре и князья успели уже в то отдаленное время сильно видоизменить свою речь под влиянием книжного языка, пошедшего из Киева” (Шахматов, 1941, с. 237).

Впервые же Шахматов ставит (и изучает) вопрос о культурной функции литературного языка, проявляющейся в воздействии его норм на речь демократических слоев городского населения. В связи с этим ученый выдвигает весьма симптоматичную задачу перед исследователем истории русского языка быть одновременно историком и русского быта, и русской культуры; он должен быть “хорошо знаком со всей Россией вообще”, с умственным и нравственным состоянием русского общества, быть внимательным “к малейшим извилинам бытовой жизни русского народа” (Известия, 1915, с. 356). Нужно сказать, что эти качества стали традиционно присущими последующим поколениям исследователей истории русского литературного языка.

Шахматов видит непосредственную связь между существованием и развитием культуры, с одной стороны, и языком, на котором эта культура выражается, – с другой. Так, по его мнению, христианская культура у южных, восточных, отчасти западных славян была непосредственно связана с древнецерковнославянским языком. “История русского литературного языка, – утверждает он, – это история постепенного развития русского просвещения. Просвещение зародилось в самостоятельных, оригинальных формах, легших в основание дальнейшей его жизни в Киевской Руси. Главным орудием его распространения был перенесенный на русскую почву древнеболгарский язык” (Шахматов, 1941, с. 236).

Историко-лингвистические идеи Шахматова, а также его культурно-исторического воззрения на историю русского языка, в частности русского литературного языка, продолжили и развили его ученики и последователи, в первую очередь В.И. Чернышев, В.В. Виноградов, С.П. Обнорский.

В.В. Виноградов (1895–1969) – крупнейший филолог XX столетия, основоположник истории русского литературного языка как научной дисциплины, углубил и утвердил в русском языкознании историзм, воспринятый им от Шахматова, – один из фундаментальных методологических принципов современных филологических исследований.

Для Виноградова история русского литературного языка – “органическая часть истории культуры русского народа” (Виноградов, 1982,

с. 513), развитие русского литературного языка неразрывно связано с развитием духовной культуры русского общества. Изучение литературного языка, Виноградову, сопряжено с историческим изучением развития национальной культуры (Виноградов, 1978, с. 217).

Проблема “язык и культура” в научном наследии Виноградова, наряду с широким культурно-историческим контекстом функционирования русского литературного языка в тот или иной период его истории, представлена в рамках историко-лексикологических разысканий ученого. Вопросы соотношения языка и культуры решаются Виноградовым также в исследовании: а) исторического движения русского литературного языка в сопряжении с историей русской художественной литературы; б) роли индивидуально-авторских стилей в развитии литературного языка; в) связи поэтических форм с развитием самого языка (мысль; высказанная А.А. Потембей). В работах В.В. Виноградова (как и Г.О. Винокура, Ю.Н. Тынянова) эта глубокая связь раскрыта применительно к поэзии пушкинской поры, а также поэзии начала XX в. на материале творчества А.А. Ахматовой. (Подробнее о проблеме “язык и культура” в освещении В.В. Виноградова см.: наст издание, с.).

Проблема соотношения языка и культуры актуальна и для научного творчества Г.О. Винокура (1896–1947) – яркого, талантливое исследователя истории и стилистики русского литературного языка, ставшего при жизни классиком русской филологической науки.

Винокур видит в языке “условие и продукт человеческой культуры, и поэтому,– продолжает автор,– всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом самое культуру...” (Винокур, 1959, с. 210). (Подробнее о взглядах Г.О. Винокура по вопросам соотношения языка и культуры см.: наст. издание, с.).

Итак, в России сложилась основательная научная традиция, ведущая свое начало от Ломоносова и Тредиаковского. Она получила исчерпывающее, глубокое и талантливо выполненное воплощение в трудах Ф.И. Буслаева и его школы, А.Н. Афанасьева, А.А. Потемби и его последователей, А.Н. Веселовского, К.Д. Ушинского, А.А. Шахматова и его школы, Н.В. Крушевского (в XIX – начале XX в.), В.И. Чернышева, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, С.П. Обнорского, Г.О. Винокура, М.М. Бахтина, П.М. Бицилли, А.Ф. Лосева, о. Павла Флоренского (в первой половине XX в.). В настоящей статье намечены лишь основные контуры этой замечательной традиции русской филологической науки.

Во второй половине нынешнего столетия названная традиция достойно продолжена и развивается в современных филологических и культурологических исследованиях, среди которых в первую очередь следует назвать труды Д.С. Лихачева, Н.И. Толстого, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского.

Литература

Виноградов, 1967 – [Виноградов В.В.] Развитие языкознания в Советском Союзе за пятьдесят лет//Вопросы языкознания. 1967. №5.

Гудзий, 1958 – Гудзий Н.К. Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958.

Кокьяр, 1960 – Кокьяр Дж. История фольклористики в Европе. М., 1960.

Соболевский, 1891 – Соболевский А.И. Рец. на кн.: Пыпин А.Н. История русской этнографии//Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Февр.

Виноградов, 1978 – Виноградов В.В. История русской лингвистических учений. М., 1978.

Буслаев, 1850 – Буслаев Ф.И. Рец. на кн.: Срезневский И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850//Отечественные записки. 1850. №10. Отдел V.

Буслаев, 1941 – Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1941.

Буслаев, 1855 – Буслаев Ф.И. Рец. на кн.: Хомяков А.С. Сравнение славянских слов с санскритскими//Отечественные записки. 1855. Сентябрь. Отдел IV.

Войнаховский, 1898 – Войнаховский К.К. Значение трудов академика Федора Ивановича Буслаева в истории науки о русском языке//Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898.

Буслаев, 1848 – Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию. М., 1848.

Пыпин, 1891 – Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т.1.

Шахматов, 1898 – Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка//Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные на заседании Отдела Коменского 21 января 1898 г. СПб., 1898.

Афанасьев, 1865 – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т.1.

Франчук, 1986 – Франчук В.Ю. А.А. Потебня. М., 1986.

Потебня, 1914 – Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2-е изд. Харьков, 1914.

Потебня, 1922 – Потебня А.А. Мысль и язык. Одесса, 1922.

Покровский, 1959 – Покровский М.М. Избр. работы по языкознанию. М., 1959.

Покровский, 1897 – Покровский М.М. Несколько вопросов из области семасиологии//Филологическое обозрение. 1897. Кн. 1.

Виноградов, 1980 – Виноградов В.В. Избр. труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Шахматов, 1941 – Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.

Известия, 1915 – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1915. Т. 20. Кн. 3.

Виноградов, 1982 – Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М., 1982.

Винокур, 1959 – Винокур Г.О. Избр. работы по русскому языку. М., 1959.

Проблема “язык и культура” в трудах академика В.В. Виноградова⁵⁵

Проблема “язык и культура” – центральная проблема филологии. Это определяется самой сущностью филологических наук, имеющих предметом и целью своих разысканий, с одной стороны, эволюцию, историческое движение языка, языков в значительной степени в связи и во взаимодействии с той национальной культурой, которая находит свое выражение в соответствующей национальной словесной форме; с другой стороны, – историю культуры, насколько и поскольку она воплощается в языке, письменности, словесности конкретного народа.

Вот почему закономерна и проблема “культура и язык”, поскольку язык, органически связанный с социально-историческим бытием народа-носителя данного языка, представляется продуктом соответствующей национальной культуры. История языка, с позиции филологии, рассматривается как “органическая часть истории и культуры” конкретного народа (Виноградов, 1982, с. 513), как самая важная глава истории его культуры (Винокур, 1959, с. 211). И нет ни одной отрасли знания, включенной “в понятия “культура” и “цивилизация”, ... которая не была бы связана со словом “филология”...” (Мазон, 1965, с. 423).

Последние годы возрастает актуальность проблематики соотношения языка и культуры в силу целого ряда факторов. Среди них на первое место выдвигаются процессы возрождения национальной культуры в новых социально-исторических условиях, складывающихся в постсоветской России.

Наряду с этим определяющим фактором, важность указанной проблематики обусловлена а) интересом общества к культурологии – междисциплинарной науке, переживающей в настоящее время “второе рождение” на новом витке переосмысления истории России, в том числе и в особенности – исторического пути русской национальной культуры;

б) активностью разработки проблем взаимодействия культур разных народов (“диалога культур”), особенно в современную эпоху, характеризующуюся процессами интернационализации разнообразных сторон жизни, социального, в том числе – духовного, бытия целых народов, отдельного человека, под мощным влиянием научно-технического прогресса;

в) немаловажным для современной лингвистики представляется наблюдающееся в настоящее время становление нового направления – лингвокультурологии, для которой проблема “язык и культура” является, как очевидно, ключевой.

Высказанные соображения обуславливают повышенный интерес к научной традиции, сложившейся в отечественной филологии, в освещении вопросов соотношения языка и культуры, особенно к нашим непосредственным предшественникам, в том числе к академику В.В. Виноградову, научная деятельность которого служит своеобразным мостом между научной традицией русской филологии конца XIX – нач. XX в. и концом XX – началом XXI столетия.

Виноградов, продолжая своего учителя А.А. Шахматова, углубил и утвердил принцип историзма как одну из фундаментальных основ современных филологических исследований.

Именно благодаря принципу историзма в лингвистической концепции Виноградова проблеме соотношения языка и культуры – особенно в ходе историко-филологического исследования – отводится первостепенное место.

Интерес к культурно-историческому осмыслению явлений языка, стремление поставить их в конкретный социокультурный и культурно-исторический контекст соответствующей эпохи способствовал в лингвистическом мировоззрении Виноградова становлению и шлифов-

ке принципа историзма как метода исследования. Вместе с тем этот принцип обуславливал (и углублял) обращение ученого к проблеме соотношения языка и культуры в процессе изучения функционирования языка в известный исторический период или в его современном состоянии.

Между тем к углубленному культурно-историческому освещению языковой эволюции Виноградов был подготовлен (и основательно подготовлен) годами учения в Археологическом и Историко-филологическом институтах в Петрограде (когда он был студентом) и занятиями “под руководством” академика Шахматова в Петроградском университете (когда он проходил подготовку “к профессорскому званию”).

И в своих работах, и в лекциях, и в личном общении Виноградов предстает как глубокий и разносторонний знаток истории русской культуры в ее разнообразнейших проявлениях (от быта, этнографических деталей до высот философской мысли). Интерес к историческим знаниям, заложенный в отроческие годы, был развит и углублен Виноградовым в студенческие и “аспирантские” годы, когда он скрупулезнейше изучал историю, истории культуры, русского языка, древние и новые языки, археологию, занимался исторической диалектологией, палеографическими и историко-филологическими разысканиями в области древнерусской письменности. Как ученик и последователь академика Шахматова, Виноградов в своей научной деятельности, в своем внутреннем облике воплотил те требования, которые предъявлял Шахматов к исследователям истории русского языка: быть одновременно историком и русского быта, и русской культуры.

Для Виноградова, как и для Шахматова (Шахматов, 1941, с. 236), язык – продукт исторического развития народа-носителя данного языка. Эволюция языковых форм, семантическое наполнение и функциональное назначение единиц и категорий языка, речевые явления самого разнообразного характера, их функционирование в речевой коммуникации Виноградов рассматривает как под углом зрения взаимной обусловленности всех частей и элементов, составляющих язык, так (и это наиболее важно для обсуждаемой проблемы) в органической связи со всеми сторонами жизни национального социума, исторического бытия конкретного (именно русского) народа, культуру, духовный мир которого данный язык репрезентативно воплощает. Это кардинальное положение принципиально важно для лингвистической концепции Виноградова. Оно подчеркивает ее функциональную и культурно-ис-

торическую направленность. Согласно этой концепции, национальный язык, литературный язык – не только продукт исторического развития данного народа, но и мощный фактор национальной консолидации, важнейший фактор развития и углубления национальной культуры, ее могущественнейшее орудие.

Для Виноградова соотношение языка и культуры было объективизировано в самостоятельную проблему, тесно смыкающуюся, переплетающуюся как с общей проблематикой взаимодействия языка и общества, так и с вопросами языкового сознания носителя литературного языка, нашедшими свое воплощение в разработке Виноградовым проблематики индивидуально-авторского стиля.

Изучая историю русской филологической мысли, Виноградов последовательно отмечает, как в научном творчестве того или иного ученого находит отражение проблемы “язык и культура”. (об этом в частности см. в наст. изд. ст. “Проблема соотношения языка и культуры в русской филологической традиции”).

Вопросы соотношения языка и культуры в научном наследии Виноградова выясняются прежде всего при рассмотрении ученым эволюции русского языка в широком культурно-историческом контексте его функционирования в тот или иной период, а также в рамках целостного процесса исторического движения литературного языка.

При этом для Виноградова “литературный язык – не только могущественнейшее орудие культуры, не только важнейшая сфера народного творчества, но и главнейшая форма народного самосознания и едва ли не самая активная и самая широкая форма народного искусства” (Виноградов, 1946, с. 22).

В своих историко-лингвистических взглядах и исследованиях, в своем отношении к литературному языку Виноградов, наряду с собственными научными изысканиями, опирался прежде всего на А.А. Шахматова. Так, для Шахматова русский литературный язык был главным орудием русской духовной культуры (о историко-лингвистических взглядах и исследованиях Шахматова см. в статье Виноградова “История русского литературного языка в изображении академика А.А. Шахматова”, 1964).

Историю языка Виноградов рассматривает как “неразрывную, органическую часть истории национальной культуры” (Виноградов, 1946, с. 22). История же русского литературного языка “как научная дисциплина вырастает из живого опыта культурного развития русского общества” (Виноградов, 1946, с. 23). В Предисловии к 2-му изданию

своих “Очерков по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.” (1938) он поставил задачу “создания научной истории русского литературного языка, которая должна составить органическую часть истории культуры русского народа” (Виноградов, 1982, с. 513).

Проблема “язык и культура” в трудах Виноградова представлена также в рамках историко-лексикологических разысканий ученого.

В основе историко-лексикологических разысканий Виноградова лежит тезис о слове как фокусе, в котором сосредоточен социально-исторический опыт, известное культурно-историческое содержание, с одной стороны, и его языковое выражение, – с другой. Подчеркивая глубокую обусловленность семантики слова, ее эволюции социально- и культурно-историческими обстоятельствами, Виноградов утверждает: “История лексики тесно и органически связана с историей производства, быта, культуры, науки, с историей общественных мировоззрений...” (Виноградов, 1953, с. 18). В связи с изучением истории слова самоуправление он особо обратил внимание на то, что “при исследовании генезиса и семантической эволюции научных, общественно-политических терминов необходимо сочетать историко-филологический анализ с культурно-историческим изучением самих соответствующих предметов, явлений и понятий” (Виноградов, 1994, с. 620). В докладе “Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования”, прочитанном Виноградовым в 1945 г. в Ленинградском университете и ставшим программным трудом в области исторической лексикологии (полностью опубликован лишь в 1994 г.) читаем: “Историческое изучение словаря невозможно без знания истории материальной и духовной культуры, но оно, – предупреждал автор, – не должно состоять в механическом сцеплении фактов быта и мировоззрения с фактами языка... История... языка... как научная дисциплина немыслима без общей базы истории материальной и духовной культуры и прежде всего без знания истории общественной мысли” (Виноградов, 1994, с. 6).

Чрезвычайно интересны в теоретическом, методологическом и историко-познавательном плане наблюдения и обобщения Виноградова относительно роли такого влиятельного культурно-исторического фактора в развитии лексики и фразеологии, в истории слов и выражений, каким представляется творчество писателей, авторская практика публицистов. “Индивидуальная инициатива, личное творчество играет огромную роль в истории слов” (Виноградов, 1994, с. 627), – отмечал Виноградов в связи с выяснением истории слова свистопляска. Так, слова замкнутый, замкнутость в отвлеченном значении “в русский

научно-теоретический словарь ввел В.Г. Белинский” (Там же, с. 194). А областное, этнографическое слово свистопляска в отвлеченном публицистическом значении, “крайнее, безудержное, разнузданное проявление чего-либо” было впервые употреблено в 1860 г. М.П. Погодиным. Оно содержало каламбурный намек на сатирический журнал “Свисток”, издававшийся Н.А. Добролюбовым. “Погодин не сочинил и не изобрел слова свистопляска; он лишь остроумно и оригинально воспользовался старинным термином, который был хорошо знаком ему как историку и этнографу” (Там же, с. 629).

Проблема “язык и культура” подключается Виноградовым при обсуждении теоретических вопросов лексикологии, словообразования, грамматики. Так, в книге “Русский язык. Грамматическое учение о слове”, обосновывая самостоятельность лексикологии как раздела науки о языке, имеющей “свой материал, свой метод и свой объект исследования” (Виноградов, 1947, с. 6), Виноградов в определении границ лексикологии указывает как одну из ее составляющих “учение... о закономерностях исторических изменений систем лексики в их внутренних взаимоотношениях с условиями быта, производства, с формами материальной культуры и социальных мировоззрений...” (Там же, с. 6).

Данная проблема “участвует” и в решении вопросов лексической омонимии, тождества слова. Выясняя вопрос о тождестве слова, Виноградов при всей ориентированности на интралингвистическую природу изучаемого слова, опирается и на конкретные исторические факты, культурно-исторические обстоятельства соответствующей эпохи или на социокультурные данные, послужившие экстралингвистическим основанием для возникновения однозвучных слов. “Многие модели слов, – пишет он, – бывают продуктивны в течение нескольких столетий. В таком случае складываются одинаковые или однородные слова, графические или даже фонетические омонимы, между которыми нет ни семантической связи, ни культурно-исторической преемственности (Виноградов, 1994, с. 22, подчеркнуто мной – Ю.Б.), например, древнерусское народник – “сборщик народных податей” и “представитель революционного радикального движения среди интеллигенции” – во второй половине XIX в., общественник – “член сельского общества” – конец XIX – нач. XX в. и в советское время – “активно участвующий в общественной работе”.

Обсуждая проблему формы слова, Виноградов в силу функциональной направленности своей грамматической концепции среди форм слова выделяет так называемые лексические формы. Именуются в виду

такие формы слова, которые, различаясь стилистически, могли стать и становились со временем самостоятельными словами, например: проект и прожект, махина и машина, карьер и карьера в конце XVIII – нач. XIX в. были формами одного слова, а впоследствии стали отдельными словами (см. статью Виноградова “О формах слова” – Виноградов, 1975, с. 44–45).

Вопросы соотношения языка и культуры решаются Виноградовым и при рассмотрении им исторического движения русского литературного языка в сопряжении с историей русской художественной литературы и под влиянием художественно-беллетристических стилей, “языка писателей”.

Для Виноградова, отличавшегося новаторским подходом к многим важнейшим аспектам русистики, лингвистики в целом, характерна глубокая связь с научной традицией, проявляющаяся в частности в его историко-филологических исследованиях, а также при изучении вопросов стилистики и разработке теоретических проблем русского языкознания.

Литература

Виноградов, 1982 – Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд. 3, М., 1982.

Винокур, 1959 – Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Мазон, 1965 – Мазон А. Литература, филология, история. // Проблемы современной филологии. М., 1965.

Шахматов, 1941 – Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4, М., 1941.

Виноградов, 1978 – Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.

Виноградов, 1946 – Виноградов В.В. Русская наука о русском литературном языке // Уч. зап. МГУ. Вып. 103. Роль русской науки в развитии мировой культуры. Т. III. Кн. 1, М., 1946.

Виноградов, 1953 – Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. Известия АН СССР. Отд. Литературы и языка, 1953, вып. 3.

Виноградов, 1994 – Виноградов В.В. История слов. М., 1994.

Виноградов, 1947 – Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Виноградов, 1975 – Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Проблема соотношения культуры и языка в научном наследии профессора Г.О. Винокура⁵⁶

Вопросы соотношения и взаимодействия языка и культуры, роли языка как одного из важнейших средств выражения национальной культуры, единственного способа реализации многих отраслей, разделов культуры, фундаментального фактора ее совершенствования и развития всегда были существенны для филологии как совокупности наук, по слову Г.О. Винокура, “посвященных истории культуры в ее словесном, преимущественно, выражении” (Винокур, 1959, с. 225–226).

В наше время ощущается возросшая актуальность всех этих вопросов главным образом в связи с остро вставшими проблемами возрождения национальной культуры, возвращения к подлинным истокам национальной духовной культуры.

Вместе с тем проблема “язык и культура” обретает новое дыхание и в связи с известным движением в области методики преподавания иностранных языков, внутри которой наблюдается серьезный, концептуальный поворот от атомарного подхода к отдельным явлениям культуры изучаемого языка, преимущественно в лексике и фразеологии данного языка, – к проблематике этнолингвистики и вырастающей на ее основе лингвокультурологии, а также современной концепции “диалога культур”.

В России сложилась основательная научная традиция обсуждения и исследования взаимодействия и соотношения языка и культуры, начиная от М.В. Ломоносова и В.К. Тредиаковского через труды Ф.И. Буслаева и его школы, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, К.Д. Ушинского, А.А. Шахматова, Н.В. Крушевского (в XIX – начале XX вв.), М.М. Бахтина, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, П.М. Бицилли, А.Ф. Лосева, о. Павла Флоренского (в первой половине XX в.) к современным филологическим и культурологическим исследованиям.

В эту традицию естественно вписывается и профессор Г.О. Винокур главным образом в связи с исследованием истории русского литературного языка, а также вопросов “лингвистической стилистики” в аспектах последовательно проведенного им взгляда на язык как “продукт культуры” (национальной). О своей принадлежности к этой традиции отечественной филологической науки Винокур опре-

деленно заявляет в статье “Язык литературы и литературный язык” (см. Винокур, 1990, с. 119).

Прямо, непосредственно проблему “язык и культура” Винокур не ставит. Эта проблема (вернее – проблематика) у него возникает сначала (и во-первых) в связи с обсуждением вопросов поэтического языка (во многом в аспектах культуры языка; см., например, его статью 1923 года “Футуристы – строители языка”, неслучайно включенную впоследствии – в несколько измененном виде – автором в состав “Культуры языка” издания 1925 г. и 1929 г.). В этой статье читаем: “Если возразят, что поэтические навыки определяются не только наличной языковой системой, но и общими культурно-историческими условиями, то можно будет заметить, что и язык есть одно из таких культурно-исторических условий, определяемых предшествующей традицией и современными отношениями. Всякая система поэтических школ есть вместе с тем смена приемов поэтической организации языкового материала, смена навыков культурного преодоления языковой стихии” (Винокур, 1990, с. 15).

Затем (во-вторых) Винокур обращается к этой проблематике в статье 1927 г. “О возможности всеобщей грамматики” (опубликована в 1988 г.) в связи с обсуждением методологических вопросов общей теории языка.

В этой статье автор в ходе обсуждения проблемы “всеобщей грамматики”, обращаясь к онтологической сущности языка как общественного явления, уточняет само понятие “язык”. (В связи с таким уточнением следует отметить, что уточнение понятий, подходов к анализу лингвистических явлений вообще было присуще исследовательскому методу Винокура, что, видимо, органически связано с его деятельностью университетского профессора. Для Винокура всегда важно уточнить предмет обсуждения, разграничить сферы исследования, обсуждения, подразделить обсуждаемую проблему, объект научного анализа, выделив в этих подразделениях не только и не столько общее, сколько своеобразное, индивидуальное, чтобы подчеркнуть важность специфически выделенного и обоснованность особого подхода к соответствующим явлениям, фактам и т. п. Это качество Винокура-ученого прослеживается на протяжении всей его деятельности.) Винокур пишет: “Когда говорят, что помимо всех тех различий, которыми разделяются между собою отдельные языки, во всех языках есть также нечто “общее” и “совпадающее”, то под сферой “расхождений” и сферой “совпадений” на самом деле понимают совершенно разные области: само понятие язык понимается здесь

явно двусмысленно. В первой части разбираемого нами утверждения речь идет действительно о языках, с их национальными, физическими, социальными и т. п. признаками; во второй же части говорится только о некоторых необходимых и достаточных условиях языка как знака идеи” (Винокур, 1988, с. 74). И далее на следующей странице автор еще раз уточняет понимание языка, при этом разграничиваются: ““язык” как идеальная структура выражения и “язык” как предмет культурной истории и этнологии”. “Язык в первом смысле, – продолжает Винокур, подчеркивая неразрывную взаимосвязь между таким разграничением, – служит, разумеется, идеальным основанием для языка в смысле втором...” (Винокур, 1988, с. 75).

В-третьих, (и это главное для обсуждаемой нами проблемы), у Винокура вопрос о соотношении языка и культуры подробно и обстоятельно раскрывается в ходе исследования истории русского литературного языка. Это исследование ученый строит в тесной связи с максимальной “увязкой” с историей России, с развитием русской культуры, с “историей русской культуры” (Винокур, 1945, с. 65). В своих историко-лингвистических построениях автор опирается прежде всего на культурно-исторические факты, на тенденции культурного и исторического развития русского народа, русского общества, государства российского. (В этом легко убедиться, обратившись к книге “Русский язык. Исторический очерк”, к примыкающим к ней статьям и к статье “Язык литературы и литературный язык”.)

В конкретном анализе языка той или иной эпохи, языка крупного писателя (изучая его в аспектах истории литературного языка) Винокур всемерно учитывает условия социального существования литературного языка соответствующего периода, те социокультурные и культурно-исторические обстоятельства – “культурную обстановку”, по его терминологии (Винокур, 1959, с. 206), – в которой совершается литературно-языковая эволюция.

Так, в главе 8 (“Зарождение общерусского национального языка”) книги “Русский язык. Исторический очерк” читаем: “территориальная и общекультурная почва общерусского языка там же, где территориальный и культурный центр созданного русскими государства, то есть в говоре города Москвы и в языке московских царских канцелярий. По мере того как областные канцелярии усваивали московскую орфографию и терминологию, а московские дьяки и подьячие допускали в свой языковой обиход известные областные документы, язык московских приказов обретал свойства языка и общегосударственного... Однако общее культурное и политическое развитие России во второй половине

XVIII в. создавало нужду в языке, который был бы общим не только в территориальном смысле, но также и в функциональном, то есть в общем языке письменности” (Винокур, 1945, с. 105–106).

Что касается изучения языка писателя, то Винокур исходил из тезиса: “нельзя отрывать язык изучаемого писателя от его исторической обстановки” (Винокур, 1959, с. 189). К примеру, в статье “Пушкин и русский язык” находим образцы такого анализа “лингвистической деятельности” писателя (Пушкина), в ходе которого и принимаются во внимание именно культурно-исторические обстоятельства (“культурная обстановка”) соответствующей эпохи, в том числе литературного языка того же периода.

Автор замечает: “в произведениях Пушкина немало <...> элементов живого языка его эпохи, позднее получивших привкус “простонародности” или “нелитературности” и постепенно оказавшихся вытесненными из границ литературного языка” (Винокур, 1959, с. 195). Объясняя правомочность употребления в начале XIX века формы бремя в пушкинском выражении “любви не зная бремя” тем, что “слова на -мя в литературном языке конца XVIII – начала XIX вв. склонялись, как в живом просторечье, без изменения основы, по образцу именительного падежа” (там же, с. 191), Винокур подчеркивает: “в пушкинское время влияние нормативной грамматики на литературный язык было гораздо более слабым, чем впоследствии...” (там же, с. 193).

Приступая к выяснению задач изучения исторического развития языка (имеется в виду статья “О задачах истории языка”), Винокур, верный своему исследовательскому принципу уточнять предмет научного анализа, подразделяет лингвистические исследования на две группы: 1 – изучение языка вообще – в этом случае “разные языки понимаются как разные, исторически обусловленные проявления одной и той же сущности – человеческого языка вообще” (там же, с. 207); и 2 – исследования, “предмет которых составляет какой-нибудь отдельный язык...”; (там же, с. 208) как индивидуальное и своеобразное явление человеческой истории (там же, с. 210).

С этой, последней, точки зрения, “язык есть условие и продукт человеческой культуры, и поэтому всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом самое культуру<...> конкретная история каждой отдельной культуры так же мало похожа на все остальные, как мало похож на остальные и созданный данной культурой язык” (разрядка моя – Ю.Б.; там же, с. 210).

В этих рассуждениях Винокура очень важна мысль о том, что ис-

следование отдельного языка имеет своей целью, “конечной задачей” познание “именно этой избранной идиомы в полноте ее конкретного исторического бытия” (разрядка моя – Ю.Б.; там же, с. 208), т. е. в том числе и в полноте культурно-исторического контекста синхронного существования и диахронии изучаемого языка!

Винокур рассматривает конкретный язык как явление, целиком вписанное в соответствующую национальную культуру, как один из продуктов духовного творчества данного культурно-исторического коллектива.

В этом пункте концепции Винокура усматривается недифференцированный подход к соотношению языка и культуры (может быть, это впечатление создается в связи с подчеркнутым разграничением двух групп лингвистических исследований, о которых говорится в начале статьи “О задачах истории языка”, двух сущностей языка – как идеального знака и как эмпирически закрепленной системы средств выражения, обусловленной культурно-исторически, национально).

Между тем Винокур выделяет язык среди других явлений культуры, поскольку он “составляет <...> условие” таких культурных образований, как письменность, наука, искусство, мораль и т. д. (там же, с. 211). При этом язык выдвигается на первое место в ряду компонентов, составляющих структуру национальной культуры (там же).

При всей “впяанности” языка в культуру как ее “условие и продукт” Винокур подчеркивает одновременно специфичность языка как формальной структуры. “Даже оставаясь на почве одного языка, т. е. изучая данный язык исключительно ради него самого, – обращает внимание автор статьи “О задачах истории языка”, – <...> мы изучаем тем самым соответствующую структуру, именно первую, и в известном отношении, может быть, самую важную, главу ее истории” (там же, с. 211).

Многозначительны и содержательны мысли Винокура о соотношении истории народа – истории его культуры – истории языка.

“Язык действительно отражает историю народа, но одновременно он и сам есть часть этой истории, одно из созданий народного творчества. Это значит, что изучение данного отдельного языка есть <...> прямая и непосредственная задача того, кто изучает вообще соответствующую культуру. Поэтому всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым, хочет он этого или нет, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык” (там же, с. 211). Вот почему характерной профес-

сиональной чертой филолога является глубокое и конкретное знание культурной истории народа, язык которого он исследует. Это ярко демонстрируют классики русистики и в их числе Г.О. Винокур.

Обращение лишь к одному из аспектов научного наследия профессора Винокура убеждает в значимости для нашего времени трудов и идей замечательного ученого в исследовании проблем, актуализированных процессами развития современного русского общества.

Литература

Винокур, 1945 – Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк. М., 1945.

Винокур, 1959 – Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Винокур, 1988 – Винокур Г.О. О возможности всеобщей грамматики//Вопросы языкознания. 1988. №4.

Винокур, 1990 – Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990.

ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел первый

¹ Например, К.С. Горбачевич предлагал в качестве “нижней” границы современного русского языка 1930–40-е годы (К.С. Горбачевич 1971 г.).

² Из книги “Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения”, М., “Русский язык”, 1988.

³ Słowo. Tekst. Czas. – Szczecin – 1999.

⁴ На основе статей: “О развитии русской лексики в советскую эпоху”//“Русский язык в школе”, 1965, №6 и “Некоторые основные направления развития русской литературной лексики в советскую эпоху”//Сб. Педагогического института в г. Нитре, серия русистская, 5, Nitra, 1989.

⁵ Это обстоятельство тем более надо подчеркнуть, что, скажем, в середине и второй половине XIX в. терминологическая лексика входила в состав литературного языка преимущественно в преображенном виде, подвергнувшись процессу детерминологизации.

⁶ “Филологические науки”, 2000, № 2.

⁷ Лингвистика. Семиотика. Поэтика (К столетию со дня рождения профессора А.А. Реформатского). М., 2003.

⁸ На основе главы 4 “Оценка и ненормативность в материалах средств массовой информации” в книге: Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М.: “Права человека”, 1997 и статьи “Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в русской речевой коммуникации (рубеж XX – XXI веков)”//“Филологические науки”, 2002, № 4.

⁹ См. также подборку писем прокоммунистически настроенных избирателей в газете демократического направления “Не дай Бог!” под заголовком “Мы не стесняемся в выражениях...” (№ 9 за 1996 г.). Вот только одно из таких писем, характеризующее и накал политических страстей, и сами эмоции, и культурный уровень читателей: “Какая б...дь вас произвела на белый свет?! Ельцин, сука недоделанная, к смерти, скоро тебя и твоих прихлебышей поставим к стенке. Я бы сам с большим удовольствием вырвал из твоей поганой пасти твой двужалый язык раскаленными щипцами. Гад ты вонючий!”

¹⁰ Обсценный – от лат. *obscenus* – “безнравственный, непристойный”; табуированный – от табу – “строгий запрет на что-либо”, первоначально в древности запрет ритуального характера, налагаемый на какой-

либо предмет, пищу, действие, слово и т. п. (впрочем, до сих пор существующий в “народной (традиционной, фольклорной) культуре” этнических, национальных общностей, в религиях).

11 Например, в комментарии А. Черкизова по радио “Эхо Москвы” в октябре 1996 г. прозвучал вульгарный фразеологизм “Плохому танцору яйца мешают”; по ТВ 27.12.1993 в передаче “Момент истины” фигурировала откровенно обценная аббревиатура БЛЯ – из начальных букв фамилий Болдырев, Лукин, Явлинский как вариант обозначения фракции Госдумы “Яблоко”; в интервью актрисы Л. Полищук: “Если я его не захотела, он для меня не красив” (Частная жизнь, 1993, №7); в “Московском комсомольце”: “У наших девушек отсутствует культура давания”; в фильме “За последней чертой”: “Хочешь, я тебе прямо здесь дам бесплатно?”

12 См. такие публикации 90-х годов, как И. Барков. “Девичья игрушка” (М., 1992, СПб, 1992), “Три века поэзии русского Эроса” (М. – Тарту, 1992); “Летите, грусти и печали. Неподцензурная русская поэзия XVIII–XIX вв.” (М., 1992); “Русская куртуазная муза. Поэтический сборник. XVIII–XIX вв. “Езда в остров любви” (М., 1993); “Русский Декамерон” (М., 1993), Ю. Боров. Сталиниада (М., 1990); Фарисея (М., 1992); Русские заветные сказки А.Н. Афанасьева (М. – Париж, 1992); Международный словарь непристойностей. Путеводитель по скабресным словам и непристойным выражениям в русском, итальянском, французском, немецком и английском языкам (М., 1992); Василий Буй. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений (М., 1995); Русский мат. Толковый словарь (М., 1996), и др.

13 Например, гомик, педераст, пидор из лагерно-тюремного жаргона “вошли в оскорбительную лексику, ...употребляются и просто как ругательства, не относящиеся сознательно к гомосексуализму” (Т. Кромбах, 1994, с. 126)

14 Впрочем, см. обстоятельное исследование современной литературной речи: “Хорошая речь”, под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой (Саратов, 2001), в котором подробно описаны “элитарная” и “среднелитературная” речевая культура (глава 6 “Хорошая речь и типы речевой культуры”).

15 Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. Сб. статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам, М., “Языки русской культуры”, 2000.

Раздел второй

16 Лингвистика и культурология, М., 2000

17 См. также дополненное издание того же словаря: “Словарь паронимов русского языка”. М., 2002.

18 “Русистика сегодня”, 1999, № 3–4.

19 Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. Под общим руководством Р.И. Розиной, М.: “Азбуковник”, 1999//Вопросы языкознания, 2000, №6.

20 Русский язык в школе, 2000, № 6.

21 Предисловие (Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии, изд. 2, испр. и доп., М., 1985).

22 См., напр. Шклярков В.Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. М., 1977; Бинович А.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975; Тагиев М.Т. Русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 1974.

23 Шанский Н.М., Быстрова Е.А. 700 фразеологических оборотов русского языка. М., 1977; Шанский Н.М., Быстрова Е.А. Учебный фразеологический словарь для национальных школ. М., 1979; Зимин В.И. Краткий фразеологический словарь русского языка. М., 1968.

24 См. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь/Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1979.

25 Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные сочетания русского языка. М., 1975.

26 См. Французско-русский фразеологический словарь/Под ред. Я.И. Рецкера. М., 1963; Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967; Бинович А.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.

27 См.: Шанский Н.М., Быстрова Е.А. Лексико-фразеологическая система и учебные словари русского языка для национальной школы. – В кн.: Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977; Пермяков Г.Л. Указ. Соч.

28 См., напр., Шанский Н.М., Быстрова Е.А. 700 фразеологических оборотов русского языка. М., 1977; Учебный фразеологический словарь русского языка для национальных школ. М., 1979.

29 Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Материалы межрегионального научно-практического семинара. Москва. 7–8 декабря 2002 г. М., 2003.

Раздел третий

- 30 Из книги “Стилистика и культура речи”, изд. 2, испр. и доп., М.: Изд-во УРАО. 2002.
- 31 Проблема языкового идеала требует специального рассмотрения, равно как и проблема языкового вкуса (об этом – чуть дальше). См. также: Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. М., 1959; Винокур Г.О. Об изучении языка художественных произведений // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991; Костомаров В.Г. Вопросы культуры речи в подготовке преподавателей-русистов // Доклады советской делегации на IV Конгрессе МАПРЯЛ. М., 1979; Он же. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над языковой практикой масс-медиа. М., 1994; Мильорини Б. Лингвистические нормы и вкус// Современное итальянское языкознание. М., 1971; Теодоров-Балан А. Езикова культура // Избрани произведения. София, 1987.
- 32 Вопрос о нормализации литературной речи – специальная тема. Из библиографии, весьма обширной, для первоначального ознакомления с проблемой см.: Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматические варианты. М., 1980; Скворцов Л.И. Теоретические вопросы культуры речи. М., 1981; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русского речи: Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
- 33 Литературный текст – это текст, который опирается, ориентирован на нормы литературного языка.
- 34 <http://www.sonoteka.libf.ru>. [2001].
- 35 Из книги: Стилистика и культура речи, изд. 2, испр. и доп., М., 2002.
- 36 В основу статьи положен текст лекции, прочитанной на семинаре по проекту “Парламентские дебаты”, организованном Институтом “открытое общество” Дж. Сороса, в июле 2000 г. в Институте повышения квалификации (Ивантеевка, Московская область.)//Стереотипность и творчество в тексте, вып. 6, Пермь, 2003, с. 49–62.
- 36а <http://www.gramota.ru> [12.2000].
- 37 Знания – народу. – 1965. – № 3.
- 38 Вопросы культуры речи, вып. 4, М., 1963.
- 39 “Курортная газета” (Ялта), 22.8.1961.
- 40 “Знания – народу” – 1965 – № 8.
- 41 “Знания – народу” – 1965 – № 3.
- 42 Словоформа в цеху, возникшая в речи производственников, в конце XX века признается нормативной для разговорной (литературной) речи.
- 43 “Знания – народу” – 1965 – № 5.

Раздел четвертый

44 “Русская словесность”, 2001, № 3.

45 “Русский язык в школе”, 1960, № 1 (статья написана при участии Е.Л. Карпова).

46 Под авторским повествованием подразумевается та часть художественного текста, в которой писатель сам непосредственно раскрывает свое отношение к действительности, обращается к читателю, дает оценку событиям, героям, описывает портреты действующих лиц, внешние ситуации (пейзаж, интерьер и т. д.). В этой части текста писатель имеет возможность в наиболее объективизированной форме отразить действительность.

47 Из книги: “Стиль русских публицистов последней трети XIX века”, Изд-во МГУ, 1970.

48 Короленко В.Г. “Павловские очерки”//“Русская мысль”, 1890, кн. XI, с. 109. Впредь при цитировании “Павловских очерков” Короленко в тексте в скобках указывается: Р. М. – журнал “Русская мысль” за 1890г, римская цифра – номер журнала, арабские цифры – страница номера.

49 Из книги “Стилистика и культура речи”, Изд. 2, испр. и доп., М.: Изд-во УРАО, 2002.

50 Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста, М.: УРСС, 2002.

51 “Русская словесность”, 2003, № 7, с. 60–69.

Раздел пятый

52 Россия и Запад: диалог культур, Вып. 4, М., 1997.

53 Русская духовная культура, Изд-во МГУ, 1995.

54 Вестник Московского университета. Серия 19 “Лингвистика и межкультурная коммуникация”, 1998, № 2.

55 “Россия Запад: диалог культур”, Вып. 6, М., 1999.

56 Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М.: “Научный мир”, 1999.

Содержание

В.С. Елистратов. К 75-летию Ю.А. Бельчикова -----3

Раздел первый. Из истории русского литературного языка XX века -----6

О понятии “современный русский язык”-----7

Язык Пушкина в освещении академика В.В. Виноградова (к вопросу о понятии “современный русский язык”)----- 10

Некоторые основные направления развития русской литературной лексики в советское время----- 17

Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны ----- 32

О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века ----- 43

“Ненормативная лексика” в контексте некоторых тенденций в развитии русской речевой коммуникации (конец XX – начало XXI столетия) ----- 53

Основные тенденции развития стилистической структуры русского литературного языка “после Пушкина” до конца XX столетия ----- 76

Раздел второй. Современные словари -----86

Из наблюдений над русскими словарями 90-х годов (лексикографические заметки)----- 87

Русский семантический словарь ----- 98

Толковый словарь русского общего жаргона ----- 109

Стилистический словарь публицистики (Г.Я. Солганик. Стилистический словарь публицистики, М.: “Русские словари”, 1999) ----- 117

Словарь-справочник по русской фразеологии для изучающих русский язык----- 119

Лингвистическая экспертиза по документационным и информационным спорам и словари----- 127

Раздел третий. Культура русской речи ----- 145

Стилистика и культура русской речи ----- 146

Гибнет ли русский язык? ----- 162

Чтобы быстрее и лучше понимать друг друга (Общеобязательность литературных норм) ----- 171

Культура русской речи и дебаты -----	178
Человек живет словами... -----	191
Заметки о языке -----	194
“Соображение слов... должно быть обдуманное” -----	194
Атомный – атомный -----	200
Разговор, услышанный на пляже -----	203
Всегда ли уместно “являться”? -----	205
“В отпуск-е” или “в отпуск-у” -----	207
Собака кусается... -----	208
Есть или кушать? -----	209
Где-то, как бы, типа -----	211
<u>Раздел четвертый. Язык писателей</u> -----	214
Авторское повествование в рассказе А.П. Чехова “Спать хочется” -----	215
Наблюдения над авторским повествованием в рассказах А.П. Чехова -----	219
Функционирование отвлеченно-книжной лексики в “Павловских очерках” В.Г. Короленко -----	225
О стиле рассказа В.П. Астафьева “Царь-рыба” (К вопросу о взаимо- действии микроконтекста, семантико-стилистических свойств слова и стилистики художественного произведения) -----	241
Из наблюдений над стилем прозы Евг. Попова -----	245
О стиле рассказа В.М. Шукшина “Волки” -----	255
<u>Раздел пятый. Язык и культура</u> -----	270
К вопросу о соотношении и взаимодействии культуры и языка -----	271
Русский язык как явление национальной культуры -----	276
Проблема соотношения языка и культуры в русской филологиче- ской традиции -----	285
Проблема “язык и культура” в трудах академика В.В. Виноградова -----	298
Проблема соотношения культуры и языка в научном наследии про- фессора Г.О. Винокура -----	305
Примечания -----	311
Содержание -----	316

Научное издание

Ю.А. Бельчиков
Русский язык. XX век

Лицензия на издательскую деятельность
выдана 19.04.2000 ИП “НОПАЯЗ”
код 221 серия ИД № 01621

Москва, Ломоносовский пр-т, 31/1
Центр оперативной печати факультета иностранных
языков Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, 2003 г., 318 стр.

Тираж 500 экз.